КЛАССИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Л. КОЗЕР*

ВРАЖДЕБНОСТЬ И НАПРЯЖЕННОСТЬ В КОНФЛИКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ[1]

Группосохраняющие функции конфликта и значение институтов, выполняющих роль «защитных клапанов»

«...Противоборство членов группы друг с другом – фактор, который нельзя однозначно оценить как негативный хотя бы потому, что это иногда единственное средство сделать жизнь с действительно невыносимыми людьми, по крайней мере, терпимой. Если бы мы вовсе были лишены силы и права восстать против тирании, произвола, самодурства и бестактности, мы вообще не смогли бы общаться с людьми, от дурного характера которых страдаем. Мы могли бы пойти на какой-нибудь отчаянный шаг, что положило бы конец отношениям, но, возможно, не стало бы «конфликтом». Не только потому, что... притеснение обычно возрастает, если его спокойно и без протестов терпят, но также и потому, что противоборство дает нам внутреннее удовлетворение, отвлечение, облегчение... Противоборство дает почувствовать, что мы не просто жертвы обстоятельств».

Зиммель здесь утверждает, что выражение враждебности в конфликте играет положительную роль, поскольку допускает сохранение отношений в ситуациях стресса, тем самым предотвращая распад группы, который неизбежен в случае изгнания враждебно настроенных индивидов.

Таким образом, конфликт выполняет группосохраняющую функцию в той мере, в какой регулирует системы отношений. Он «очищает воздух», т. е. удаляет скопления подавленных враждебных эмоций, давая им свободный выход в действиях. Зиммель как бы вторит шекспировскому королю Джону: «Это глупое небо не очищается без бури».

Может показаться, что Зиммель здесь отступает от собственной методологии и принимает во внимание воздействие конфликта только

---

* Льюис Э. Козер (род. 1913) – американский социолог, профессор, один из основателей функционалистской модификации теории социального конфликта. Публикуемая глава «Враждебность и напряженность в конфликтных отношениях» вошла в монографию «Функции социального конфликта».

[1] Печатается по: *Козер Л.* Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идеа-пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.

на одну сторону – на «ущемленную», не беря в расчет воздействия сторон друг на друга. Однако на самом деле анализ «освобождающего» действия конфликта на «ущемленных» индивидов и группы интересует его лишь в той мере, в какой это «освобождение» способствует поддержанию отношений, т. е. моделей взаимодействия.

И тем не менее отмеченное выше нежелание Зиммеля различать чувство враждебности и конфликтное поведение снова порождает ряд трудностей. Если конфликт с необходимостью ведет к изменению предшествующих условий отношений сторон, то простая враждебность необязательно приводит к таким последствиям и может оставить все на своих местах.

Обращаясь к проблеме индивидуального освобождения, отметим, что Зиммель не мог предполагать, какой вес она обретет в позднейших психологических теориях. Накопившаяся враждебность и агрессивные предрасположенности могут выплеснуться не только против их непосредственного объекта, но и против замещающих его объектов. Зиммель явно учитывал только прямой конфликт между исходными сторонами противостояния. Он упустил из виду ту возможность, что иные, нежели конфликт, типы поведения могут, по крайней мере, частично, выполнять сходные функции.

Зиммель писал в Берлине на рубеже веков, еще не зная о революционных прорывах в психологии, происходивших примерно в то же время в Вене. Если бы он был знаком с новой тогда теорией психоанализа, то отказался бы от допущения, будто чувства враждебности выплескиваются в конфликтном поведении, направленном только против самой причины этой враждебности. Он не учитывал возможности того, что в случаях, когда конфликтное поведение по отношению к самому объекту враждебности каким-то образом заблокировано, то чувства враждебности могут переходить на замещающие объекты и замещающее удовлетворение может достигаться просто путем снятия напряжения. В обоих случаях следствием оказывается сохранение исходных отношений.

Таким образом, для того, чтобы адекватно проанализировать данный тезис, нужно придерживаться нашего различения между чувствами враждебности и их поведенческими проявлениями. Надо еще добавить, что в поведении эти чувства могут выражаться, по крайней мере, в трех формах: Прямое выражение враждебности по отношению к человеку или группе, являющимся источником фрустрации; перенос враждебного поведения на замещающие объекты и работа по снятию напряжения, обеспечивающая удовлетворение сама по себе, не требуя для этого ни подлинного, ни замещающего объекта.

Можно сказать, что Зиммель выдвинул концепцию конфликта как «защитного клапана». Конфликт служит клапаном, высвобождаю-

щим чувство враждебности, которое, не будь этой отдушины, взорвет отношения между антагонистами.

Немецкий этнолог Генрих Шурц изобрел термин *Ventilsitten* (вентильные обычаи), которым обозначил обычаи и ритуалы примитивных обществ, представляющие собой институционализированные клапаны для освобождения чувств и влечений, обычно подавляемых в группах. Хороший пример здесь – оргиастические празднества, когда могут открыто нарушаться обычные запреты и нормы сексуального поведения. Подобные институты, как отметил немецкий социолог Фиркандт, служат руслом для отведения подавленных влечений, оберегая, таким образом, жизнь социума от их разрушительного воздействия.

Под воздействием гипотезы Фрейда об «изначальной враждебности людей друг к другу» многие исследователи указывали на массовую культуру как основной механизм «безопасного» высвобождения агрессивных побуждений, табуированных в иных социальных контекстах». Огромная популярность боксерских матчей и телевизионных поединков рестлеров отчасти объясняется воображаемым соучастием зрителей, отождествляющих себя с любимым героем, когда он «бьет морду этому парню». Современная массовая культура служит средством освобождения от фрустраций, открывая возможности замещающего выражения строго табуированных импульсов враждебности. Как отмечает Герта Херцог в исследовании «Психологическое удовлетворение при прослушивании дневных радиопрограмм», «некоторые слушатели наслаждаются сериалами, воспринимая их исключительно как средства эмоциональной разрядки. Им нравится, что сериалы дают возможность «поплакать»... Возможность выразить агрессивность также является источником удовлетворения».

Некоторые из этих примеров позволяют выдвинуть гипотезу о том, что необходимость в институтах, выполняющих функцию «защитных клапанов», возрастает с усилением жесткости социальной структуры, т. е. по мере ужесточения запрета, налагаемого социальной системой на выражение антагонистических эмоций. При этом должен учитываться ряд промежуточных переменных, таких, как общие ценностные ориентации, уровень безопасности и т. д. Эту тему мы еще обсудим.

В данном контексте уместно обратиться к хорошо известному механизму поиска «козла отпущения», действующему в групповых конфликтах. Мы не будем анализировать множество вышедших в последние годы книг по этому и другим аспектам феномена предубеждения.

На некоторых аспектах упомянутого механизма мы остановимся в следующем разделе, а также в заключительной части книги. Пока

же достаточно сказать, что большинство авторов концентрируются исключительно на изучении личности индивида – носителя предрассудка (возможно, потому, что современные исследовательские методы лучше приспособлены именно к такой задаче), пренебрегая изучением социальных функций предрассудков. Расистские и религиозные предрассудки, направляя враждебность на объекты, лишенные возможности сопротивления, вносят огромный вклад в поддержание стабильности существующих социальных структур, выполняя функцию институтов – «защитных клапанов», рассмотренных выше.

Здесь возникает проблема, о которой выше упоминалось лишь вскользь, но которая играет центральную роль в теории конфликта: проблема функционирования институтов, канализирующих враждебные чувства, предотвращающих проекцию этих чувств на непосредственный объект враждебности и тем самым способствующих сохранению социальной системы. Деятельность этих институтов может так же иметь и негативные последствия для социальной системы, для человека или для того и другого. Как отметил Клайд Клакхон: «*За обвинение в колдовстве платили и человек, и группа*».

Общедоступный характер институтов, выполняющих роль «защитных клапанов», приводит к смещению целей у индивидов: они не ставят более перед собой задачу исправить неудовлетворительную ситуацию, им нужно всего лишь снять вызванную ею напряженность. Сама же ситуация не меняется либо продолжает ухудшаться. В следующем тезисе мы попытаемся показать, что степень смещения преследуемой индивидом цели представляет собой важную переменную в теории конфликта.

Мы предлагаем использовать термин *«институты, выполняющие роль «защитных клапанов»,* для обозначения институтов, направляющих чувства враждебности на замещающие объекты (или обеспечивающих замещающие механизмы для подобных случаев) или функционирующих в качестве каналов для катарсического освобождения от агрессивных эмоций, а не применять его для обозначения институтов, обеспечивающих реализацию открытого конфликта.

Если, как предполагает Зиммель, «конфликт очищает воздух», то институты, которые служат лишь снятию напряжений, канализации враждебных чувств, оставляя неизменными структуры отношений, могут функционировать как громоотводы, но не в состоянии предотвратить периодическое сгущение туч, т. е. новое накопление напряженности.

Однако отношения между членами группы могут быть столь хрупкими, что не смогут выдержать конфликта. В таком случае для продолжения отношений требуется замещающий объект. К этой ситуации мы вернемся ниже.

Учитывая предшествующие рассуждения, мы можем переформулировать приведенный выше тезис:

▪ Конфликт не всегда дисфункционален по отношению к системе, в которой он возникает; часто конфликт необходим для ее сохранения. Если нет способов выразить враждебность или недовольство по отношению друг к другу, члены группы могут пережить глубокую фрустрацию и прийти к полному разрыву отношений. Обеспечивая свободный выход сдерживаемым враждебным эмоциям, конфликт служит сохранению групповых отношений.

▪ Социальные системы создают особые институты, служащие отводу враждебных и агрессивных эмоций. Такие институты, выполняющие роль защитных клапанов, помогают сохранить систему, предупреждая возможный конфликт или сводя к минимуму его разрушительные последствия. Они предоставляют как замещающие объекты, в отношении которых допустимо выражение враждебности, так и средства такого выражения. Эти «защитные клапаны» не дают враждебным эмоциям выплеснуться на их непосредственный объект. Однако подобные замещения влекут определенные издержки как для социальной системы, так и для индивида. В системе ослабевают стимулы к изменению, позволяющему приспособиться к меняющимся условиям внешнего мира. Что касается индивида, то в нем происходит накопление негативных эмоций – потенциала разрушительного взрыва.

Перенесение чувства враждебности на замещающий объект (в отличие от простого символического выражения) создает новую конфликтную ситуацию уже в отношении этого объекта. В следующем разделе мы рассмотрим, в чем состоит различие между подобным «нереалистическим» и «реалистическим» типами конфликта.

Реалистический и нереалистический конфликт

«Если конфликт порожден неким объектом притязания, стремлением что-то иметь или чем-то распоряжаться, гневом или местью... то для него характерно то, что, в принципе, для достижения любой из этих целей имеются и другие средства. Желание обладания или подчинения, даже уничтожения врага можно удовлетворить, выбрав пути, иные, чем борьба. Когда конфликт – это просто средство, определенное более высокой целью, нет причин ограничивать или даже избегать его, поскольку его всегда можно заменить иными средствами и с тем же успехом. Когда же, наоборот, он обусловлен исключительно субъективными эмоциями, когда в дело вступает внутренняя энергия, которую *можно* удовлетворить только в борьбе, замена его другими средствами невозможна; он есть свой собственный смысл и цель...»

Зиммель утверждает, что конфликты, порожденные столкновением интересов или столкновением личностей, содержат в себе сдерживающий элемент — в той мере, в какой борьба является лишь средством достижения цели; если желаемого результата можно точно так же или еще скорее достичь с помощью других средств, то они и могут быть использованы. В таких случаях конфликт – только одна из нескольких функциональных возможностей.

Однако есть ситуации, когда конфликт возникает исключительно из агрессивных импульсов, ищущих выхода независимо от того, каков их объект, и когда выбор объекта совершенно случаен. В таких случаях ограничений не существует, поскольку важно не достижение результата, а скорее выражение агрессивных эмоций, вызывающих взрыв.

В этом разделении конфликта как средства и конфликта как цели самой по себе содержится критерий различения между *реалистическим* и *нереалистическим* конфликтом. Конфликты, возникающие из-за неудовлетворения специфических требований в рамках отношений и ожидаемых выгод участников и направленные на предполагаемый фрустрирующий объект, могут считаться *реалистическими конфликтами* в той мере, в какой они являются средствами достижения определенного результата. *Нереалистические конфликты,* с другой стороны, хотя также предполагают взаимодействие между двумя или более индивидами, порождены не антагонизмом целей участников, а необходимостью разрядки по крайней мере у одного из них. В этом случае выбор соперника не связан напрямую ни с проблемой, по которой идет спор, ни с необходимостью достижения определенного результата.

Именно такой случай имеет в виду Э.Френкель-Брунсвик, характеризуя «этноцентричную личность»: «Даже ненависть ее подвижна и может направляться с одного объекта на другой». Слова Джона Дьюи о том, что «люди стреляют не потому, что существуют мишени, а они создают мишени, чтобы стрельба и метание камней стали осмысленными и эффективными», вполне применимы к этому типу нереалистического конфликта.

Так, антисемитизм, за исключением тех случаев, когда он вызван конфликтами интересов и ценностей евреев и других групп или индивидов, будет нереалистическим конфликтом, если он – реакция прежде всего на фрустрацию, объект которой представляется подходящим для высвобождения агрессивных эмоций. Станут ли таким объектом евреи, негры или другие группы – для агрессора имеет второстепенное значение.

Нереалистический конфликт, вызванный необходимостью освободиться от агрессивного напряжения у одного или более взаимо-

действующих индивидов, менее «стабилен», чем реалистический конфликт. Лежащую в его основе агрессивность можно легко направить по другим каналам именно потому, что она не связана напрямую с объектом, ставшим мишенью «по обстоятельствам». Она может проявиться совсем иначе, если выбранный объект уже недоступен.

Реалистический конфликт, напротив, исчерпывает себя, если индивид находит альтернативные пути, позволяющие достичь той же самой цели». В реалистическом конфликте имеются *функциональные альтернативы в отношении средств.* Участникам всегда потенциально доступны механизмы, различные по эффективности, но иные, чем конфликт. Кроме того, нужно заметить, что в реалистических конфликтах есть возможность выбора между различными формами соперничества; выбор зависит от оценки инструментальной адекватности этих форм. В нереалистическом конфликте, наоборот, существуют лишь *функциональные альтернативы в отношении объектов.*

Проведенное различение помогает избежать ошибки, заключающейся в объяснении социального феномена реалистического конфликта исключительно как «снятия напряжения». Например, рабочий, который бастует, чтобы добиться повышения зарплаты, статуса или влияния своего союза, и рабочий, выплескивающий агрессию по отношению к боссу потому, что тот служит для него воплощением эдиповой фигуры отца, – это социально различные типы. Замещаемую ненависть к отцу может навлечь на себя любой подходящий объект – босс, полицейский или мастер. Экономическая борьба рабочих против босса, наоборот, основывается на их конкретном положении и роли в экономической и политической системе. Если это будет выгодно, они могут не прибегать к конфликту, а найти способ согласования интересов; и конфликт может находить разрешение не только в стачке, но в откровенном обмене мнениями, в дискуссии, в выговаривании уступок с одной и другой стороны и т. д.

Антагонистические действия со стороны рабочих против управленческого персонала или наоборот можно считать реалистическим конфликтом в той мере, в какой они являются средством для достижения результатов (более высокого статуса, большей власти, большей выгоды); если целью рабочих или управленческого персонала является достижение подобных результатов, а не просто выражение диффузной

Различение реалистического и нереалистического конфликтов помогает внести ясность в споры о социальном контроле и социальном отклонении. Девианты необязательно «иррациональны» или недостаточно реалистически ориентированы, как-то неявно предполагает большинство исследователей. Отклоняющееся поведение,

анализируемое Мертоном в работе «Социальная структура и аномия», в той мере, в какой оно представляет собой достижение культурно предписанных целей посредством культурно табуированных средств, образует одну из разновидностей реалистической стратегии. Если девианты такого рода находят законные средства для достижения той же самой цели, то, вероятнее всего, они не прибегнут к социально неодобряемым средствам. Отклонение в данном случае имеет скорее инструментальный, нежели экспрессивный характер. Однако другие типы отклонения могут служить и освобождению от напряжений, накопившихся в процессе социализации, а также фрустраций и несправедливостей во взрослой жизни. В этих случаях девианту важно агрессивное поведение само по себе; объект, на который оно направлено, имеет второстепенное значение. Прежде всего ему необходимо освободиться от напряжения, поэтому действие не является средством достижения определенного результата. В подобных случаях наименее вероятна сравнительная оценка в пользу выбора мирных или агрессивных средств, поскольку удовлетворение достигается именно в агрессивных действиях, а не в их результате.

Неспособность учесть предложенное выше различение приводит к путанице в современных исследованиях «напряженности» и «агрессивности». Например, закономерности, выявленные при изучении нереалистического конфликта, применяются к области международных отношений без учета того, что конфликты в этой области – прежде всего реалистические конфликты, основанные на борьбе за власть, столкновении интересов или ценностей, а нереалистические элементы, которые сюда примешиваются, случайны и в лучшем случае играют вспомогательную роль. Как выразился Э. Джонсон: «Обычно считают, что взаимные антипатии... играют значительную роль в развязывании войн. История дает лишь единичные свидетельства в пользу этой точки зрения... Подобные антипатии... оказываются скорее результатом, нежели причиной войн».

Психолог, изучающий механизмы замещения, совершенно прав, когда обращает внимание прежде всего на одержимого предрассудками индивида, тогда как мишень агрессии представляет для него лишь второстепенный интерес. Но при изучении конфликтной ситуации, где главное – *взаимодействие,* социолог должен сосредоточиваться на отношениях и заниматься спецификой ценностей или различиями интересов противоборствующих сторон. Совершенно неоправданна *априорная* оценка требований сторон в конфликтной ситуации в качестве эквивалента суждений типа: «центр Земли состоит из варенья». Социологическое изучение международной политики вполне законно может заниматься изучением напряженностей, возникающих в силу различных фрустраций в национальных соци-

альных системах, но оно не достигнет своей главной цели, пока не проанализирует реалистические конфликты по поводу распределения власти, вокруг которых и формируются контуры союзов и противостояний.

Подобным же образом исследования в области индустриальной социологии, вдохновленные Элтоном Мэйо, демонстрируют, что им чуждо представление о существовании реалистического конфликта или его функциях. Конфликтное поведение рассматривается почти исключительно как нереалистическое поведение. В них логика фактов, «логика издержек и логика эффективности» (т. е. «фактов», полезных для управленческого персонала) противопоставляется «логике сантиментов» (со стороны рабочих). Таким образом, требования рабочих лишаются их реалистического основания. «Вольно или невольно возникает впечатление, что управленческий персонал руководствуется разумом, а рабочие в основном созданы из эмоций и ощущений». Упор на «сантименты» затемняет реалистическую основу конфликта. В действительности такие исследования демонстрируют поразительное непонимание идущей на предприятиях реальной борьбы за власть и деньги.

Если возможность реалистического конфликта не принимается во внимание, социологи, работающие в области управления производством, естественно, «удивляются, что это за люди, которым приходят в голову такие идеи», и вместо того, чтобы направить свое внимание на исследование конфликтной ситуации, ищут «терапевтические меры воздействия». Приверженность взгляду, что источник конфликта нужно искать скорее в сантиментах, разрушающих отношения, нежели в природе самих этих социальных отношений, ведет к тому, что социологи рассматривают все конфликты как «социальную болезнь», а отсутствие конфликтов – как «социальное здоровье». Они концентрируют внимание не на источнике фрустрации, не на проблеме как таковой, но на том, как фрустрация влияет на индивида. Говоря словами Д. Карнеги, они пытаются «осчастливить другого своим предложением», направив его чувства враждебности по «безопасным» каналам. Так, Ретлисбергер и Диксон с восхитительной искренностью пишут о консультативной системе: «Такого рода неавторитарные структуры контролируют и руководят теми человеческими процессами в индустриальной системе, которые не контролируются надлежащим образом другими управленческими структурами».

Различие между реалистическим и нереалистическим конфликтом базируется на концептуальном абстрагировании от конкретной реальности, где оба типа конфликта могут выступать в смешанном виде. Однако, как отметил М. Вебер, «конструкция чисто рациональной схемы деятельности... служит социологу в качестве типа... Срав-

нение с ним позволяет понять способы воздействия разнообразных Иррациональных факторов на реальную деятельность... ответственных за отклонение от линии поведения, которой следовало бы ожидать, исходя из гипотезы о чисто рациональной природе действия».

Реалистические конфликтные ситуации могут сопровождаться, особенно когда нет реальных возможностей достигнуть цели, нереалистическими сантиментами, в которых искаженным образом отражается природа конфликта. В конкретной социальной реальности встречается смесь обоих «чистых» типов. Т. Парсонс прекрасно сказал об этом, описывая механизм замещения (или создания «козла отпущения»): «Поскольку было бы опасно и ошибочно выражать враждебные чувства по отношению к членам своей группы, часто бывает психологически легче «переместить» аффект на внешнюю группу, в отношении которой *уже существует* некоторое основание для враждебности. Поэтому механизм замещения редко срабатывает вне *определенного* «разумного» основания для враждебности, в котором и выражается реальный конфликт идеалов или интересов». Иными словами, одним из источников нереалистических вкраплений в реалистических конфликтах являются институты, оценивающие свободное выражение открытой враждебности как «опасное и ошибочное».

Термин «реалистический конфликт» не подразумевает с необходимостью, что используемые средства на самом деле соответствуют поставленной цели; участники конфликта могут просто считать их адекватными на том основании, что они общепринятыв культуре данного общества. Рабочие, выходящие на забастовку с требованием уволить рабочих-негров, чтобы сохранить свой уровень зарплаты, участвуют в реалистическом конфликте. Но (и в этом суть зиммелевского тезиса) если ситуация изменится таким образом, что в борьбе за сохранение зарплаты выгоднее окажутся другие средства, то рабочие скорее всего не станут прибегать к дискриминации негров. Если же дискриминационная практика сохранится, несмотря на то, что имеются другие, более эффективные средства достижения той же цели, то можно предположить, что в конфликте выражаются и нереалистические элементы, такие, как «предубеждения».

Пожалуй, сказанного достаточно для прояснения различий между реалистическим и нереалистическим типами конфликта.